

Оригинальная статья

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-165-174>

Подражание и творчество в процессе освоения языка детьми

Нэлла Аркадьевна Трофимова¹, Софья Алексеевна Шумилова²✉

^{1, 2}НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²✉shumilova.sophia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8295-1887>

Введение. В статье изложены результаты исследования детской речи, цель которого – выявление речевых инноваций, или окказионализмов. Под речевыми инновациями понимаются лексические единицы, встретившиеся в речи ребенка, но при этом отсутствующие в конвенциональном языке взрослых. Цель статьи – проанализировать выявленные в детской речи окказионализмы и описать процесс их конструирования, опираясь на установленные в этой научной области факты – этапы языкового онтогенеза и соответствующие им языковые компетенции.

Методология и источники. В статье предложен анализ детских речевых инноваций, полученных в ходе организованного авторами эксперимента, участниками которого стали русскоговорящие монолингвы возрастом от трех до шести лет без особенностей развития. В исследовании применены такие методы психолингвистических экспериментов, как описание картинки и оффлайн-пересказ.

Результаты и обсуждение. Выяснено, что, несмотря на свое несоответствие норме, инновации конструируются детьми с опорой на существующие в языке закономерности, а их отклонение от стандарта связано, как правило, с нехваткой языковых компетенций. При необходимости заполнить лауну в высказывании лексемой, которая еще отсутствует в ментальном лексиконе ребенка, он прибегает к созданию собственной, являющейся эквивалентом уже существующего в языке слова. При этом созданная нестандартная лексема может включать элементы стандартных лексических и/или морфологических единиц, существующих в русском языке. Наблюдается также усложнение конструируемых форм с возрастом, что соответствует постепенному обогащению репертуара ментального лексикона и ментальной грамматики детей.

Заключение. Анализ выявленных речевых инноваций показал, что освоение родного языка представляет собой процесс, полный закономерностей, которые прослеживаются в случаях с разными носителями. Так, предложенные в статье речевые инновации могут послужить дополнительным материалом для более масштабных исследований по изучению речевого онтогенеза.

Ключевые слова: детские речевые инновации, детские окказионализмы, словотворчество, детская речь, онтолингвистика, психолингвистика

Для цитирования: Трофимова Н. А., Шумилова С. А. Подражание и творчество в процессе освоения языка детьми // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 6. С. 165–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-165-174.

© Трофимова Н. А., Шумилова С. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Children's Imitation and Word Creation in the Process of Language Acquisition

Nella A. Trofimova¹, Sofia A. Shumilova²

^{1, 2}*Higher School of Economics, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>*

²*shumilova.sophia@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-8295-1887>*

Introduction. Since language acquisition is a gradual process, younger children have gaps in their mental grammar and mental lexicon. In order to be understood well while communicating with other people, they sometimes resort to creating new words, known as innovations, which remain unusual for the language norm. This article expounds the nature of children's speech innovations and presents the analysis of their constructing.

Methodology and sources. The research is based on data gathered within psycholinguistic experiment with participation of Russian-speaking children from three to six years of age. Such experimental methods of psycholinguistics research as picture description and story retelling were used.

Results and discussion. It was found out that despite formal abnormality of speech innovations they are getting constructed according to rules existing in the language. Thus, innovations may include standard morphological units, which are combined with non-standard ones with regard to their distributional features and restrictions. It means that morphemes commonly appearing, for example, on verbs will be used by children within this lexical category only. Moreover, a gradual increasing complexity of constructed forms is observed occurring with the age.

Conclusion. Speech innovations cannot be conceived as errors, as they are constructed based on children's knowledge about the language system and contain standard elements. Innovations analysed in this paper might be used for larger-scale studies on language acquisition and remain supplementary material for researches in this area.

Keywords: children's speech innovations, children's occasionalism, word creation, children's speech, language acquisition, psycholinguistics

For citation: Trofimova, N.A. and Shumilova, S.A. (2024), "Children's Imitation and Word Creation in the Process of Language Acquisition", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 6, pp. 165–174. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-6-165–174 (Russia).

Введение. Усвоение языка сопровождается процессом соотношения мира вещей и явлений с миром слов. Так, лексический репертуар у детей формируется постепенно: сначала они осваивают слова, которые чаще всего слышат или которые реферируют к окружающим их объектам, а затем менее частотные лексемы. Столкнувшись же с необходимостью референции явления, наименование которого отсутствует в ментальном лексиконе ребенка, он может прибегнуть к словотворчеству, результатом которого являются речевые инновации, или окказионализмы – неузуальные формы, зафиксированные в речи ребенка и отсутствующие в широком употреблении [1, с. 37].

При этом речевые инновации носят не случайный характер. В процессе их конструирования говорящий руководствуется семантикой и грамматическими свойствами используе-

мых лексических и морфологических единиц. Таким образом, полученные инновации способны охарактеризовать состояние ментальной грамматики и ментального лексикона ребенка и позволяют исследователям оценить уровень его языковых компетенций в соответствии с общими закономерностями, наблюдаемыми у детей конкретного возраста. Для сопоставления результатов case-study с общими тенденциями могут использоваться хронология языкового онтогенеза и сопутствующие ей работы, в которых исследуется процесс освоения языка, ср. [2–6].

Цель статьи – представление результатов экспериментального исследования окказионализмов (инноваций и подражаний) в речи детей младшего возраста. Актуальность исследования обусловлена востребованностью онтолингвистики – науки о детской речи, стремительно развивающейся сегодня в самостоятельное направление лингвистики. Предполагается, что полученные в ходе исследования окказионализмы могут оказаться полезны специалистам в области детской речи, могут служить дополнительным материалом для более масштабных исследований, направленных на изучение процесса освоения языка.

Структура работы определяется логикой рассуждений авторов. В первом разделе описываются детали исследования: используемые методы, характеристика информантов и стимульного материала. Во втором разделе приведены результаты исследования: предложен список полученных речевых инноваций и их анализ. Последний раздел (заключение) подводит итоги исследования.

Методология и источники. В качестве информантов выступили дети возрастом от трех до шести лет без особенностей развития. Все участники русскоговорящие монолингвы, а один из них изучает английский язык в качестве иностранного.

Сбор данных выполнен в рамках индивидуальных сессий свободного формата 40–60 минут. Встречи с детьми не носили формального характера, и их продолжительность варьировалось в зависимости от особенностей участников, например: активные дети быстро устают от простого диалога и однотипных заданий, а более спокойные готовы провести все время сессии, разговаривая и рассматривая картинки. В основе эксперимента – речевая продукция детей, поэтому сессия включает ряд вопросов, провоцирующих развернутый монолог (например, вопросы плана «Какой у тебя любимый мультик? О чем он?» или «Что тебе сегодня снилось?»). При этом сессия не является подобием структурированного интервью, поскольку задаваемые вопросы и решение их задавать формируются уже в процессе эксперимента, а не заранее. Они лишь образуют диалог и позволяют ребенку почувствовать непринужденность атмосферы, а это значит, что он будет чувствовать себя комфортно и за отсутствием фактора стресса предоставит более качественный и разнообразный материал для анализа. Подобные вопросы послужили также коннекторами между заданиями, о которых будет сказано далее.

В рамках исследования были применены психолингвистические экспериментальные методы. Одним из них является метод описания картинки. Его преимущество заключается в обеспечении спонтанной речи ребенка, богатой на описательную лексику. Более того, правильно подобранные визуальные стимулы могут провоцировать ребенка на активное словотворчество. Так, в случаях, когда изображение демонстрирует явление или существо, которые не имеют названий в стандартном русском языке, дети зачастую прибегают к констру-

ированию собственных лексем для обозначения увиденного, поскольку не имеют наиболее подходящего эквивалента в своем ментальном лексиконе.

Был также применен метод оффлайнного пересказа, в рамках которого дети после просмотра пересказывали немой мультфильм, длиной от двух до семи минут. Этот метод в нашем случае является языконезависимым – немые мультфильмы не имеют языковой материи и могут содержать лишь звуковые сигналы, не являющиеся языковыми единицами. Это минимизирует вероятность возникновения эффекта прайминга и позволяет проанализировать особенности восприятия ребенка и устройство его репрезентативной системы, а также дает возможность участникам проявить вербальную креативность.

Устные данные собирались при помощи диктофона смартфона, который находился возле участника во время сессии. Для целей такого исследования достаточно хорошего качества звукозаписи, в которой легко распознаются слова и отдельные звуко сочетания, поэтому был использован обыкновенный смартфон, а звукозаписи были сохранены в файлах сжатого формата *mp3. Данные были оцифрованы вручную и собраны в корпус детской речи, являющийся материалом исследования.

Результаты и обсуждение. Практически все окказионализмы, сконструированные участниками нашего эксперимента, представляют собой подавленные модификации нормативные лексемы русского языка, претерпевшие изменения в первую очередь на уровне морфологии. Среди случаев ненормативного употребления существующих лексических единиц обнаружены лишь две и, что примечательно, обе относятся к одной предметной сфере: *разбить ногу* (Лиза, 5.9¹) и *помять лапку* (Даша, 3.3). Семантическое поле травм и болезней включает небольшое разнообразие лексических единиц в речи детей, поэтому в поиске необходимых эквивалентов они обходятся теми, которые уже существуют в ментальном лексиконе вне зависимости от их основного значения и области применения.

Остальные же окказионализмы было решено разбить на два класса: те, что представляют собой именные дериваты и так или иначе связаны с объектами, к которым осуществляется референция, и те, которые являются глагольными образованиями.

Именные речевые инновации составляют большую часть корпуса, поскольку в процессе коммуникации дети контактируют с вещественным миром и часто реферируют к окружающим объектам. Основная стратегия, используемая при конструировании новых лексем, – это словотворчество по освоенной словообразовательной модели [7, с. 197]. При этом для образования именной лексемы используются именно суффиксы, а не префиксы, как в случае с глаголами – это общая тенденция деривации в русском языке [8]. При таком типе словотворчества дети обращаются к семантике не только лексем, но и морфологических единиц, и учитывают особенности их дистрибуции. Так, пятилетняя Лиза предложила сделать *пилу* музыкальным инструментом, а человека, играющего на пиле, назвать *пилистом* по аналогии с тем, что на *гитаре* играет *гитарист*: она уже понимает, что русский суффикс *-ист* имеет функцию образования существительных, обозначающих род деятельности или профессию. Приведем еще примеры подобных окказионализмов, представляющих собой наименования рода деятельности: *поварёха* (повар), *воровник* (вор), *королиха* (ко-

¹ Здесь и далее в скобках указаны имя и возраст (количество полных лет и месяцев, разделенные точкой) участника, которому принадлежит рассматриваемое высказывание.

ролева), ср. примеры (1)–(3) соответственно. Не во всех из них используемые суффиксы являются специализированными показателями образования названий профессий, однако они так или иначе имеют это значение в своей семантике.

(1)¹ – *Только еще Эй когда-то была **поварёха**. Он ещё всех варил. Ага, варил продукты.* (Аня, 4.8).

(2) – *Не знаю, где эти **воровники**. **Воровники**, которые меня били.* (Аня, 4.8).

(3) – *Я в Roblox играю. И там я **королиха**.* (Лиза, 5.9).

Одна из первых словообразовательных активностей, внедряемых в жизнь детей, – это образование названий детенышей. В русском языке для такого вида деривации, как правило, используется суффикс *-ёнок/-онок*. Однако с рядом лексем такое суффиксальное словообразование недопустимо, ср. *гепард*, *кенгуру*, *панда* и др. Знания детей об особенностях и ограничениях дистрибуции конкретных лексических и морфологических единиц ограничены, поэтому при попытке образовать лексему при помощи морфемы, которая в нормативном русском языке не допускается в данном контексте, можно наблюдать образование новой неузуальной формы. Так, четырехлетняя Аня не знала, как назвать детеныша гепарда, поскольку форма *гепардёнок*, образованная по модели, ее смущала. Тем не менее ей удалось подобрать наиболее подходящую номинацию – *гепардичек*. Важно обратить внимание на то, что Аня постаралась сохранить семантику лексемы и обозначила один из основных дифференциальных признаков, дважды используя показатели диминутива суффиксы *-ик/-ек*, чтобы выразить главное отличие детеныша от взрослой особи – размер, ср. пример (4). Хотя диминутив недостаточно демонстративен в случае с референцией к детенышам именно как к потомству, он все же близок к требуемому значению.

(4) – *Ага, и бывают такие маленькие детёныши. Тигренок – так они называются.* (Аня, 4.8).

– *Да, тигренок, а у льва кто?*

– *А у льва – лвьёнок. А у гепарда – **гепардичек**.* (Аня, 4.8).

Частый прием, к которому прибегают дети в процессе словотворчества, – это наивная концептуализация, ср. [9, с. 21]. При нем дети именуют обозначаемое в соответствии с его наиболее значимым признаком, тем самым облегчая себе задачу, игнорируя прочие признаки. В нашем корпусе есть соответствующие примеры, например: пятилетний Костя назвал ссадину на своей ноге *красняком*. В отличие от менее частотной лексемы *ссадина* лексема *синяк* существует в активном лексиконе детей с раннего возраста, поэтому Костя решил придумать форму по аналогии с той, которая находится в той же семантической области, учтя при этом, что *красняк* отличается от *синяка* по цвету.

Хвостатик – придуманное четырехлетней Аней наименование изображенного на картинке несуществующего животного, наиболее ярким внешним признаком которого является большой хвост. При этом здесь наблюдается обращение ребенка к ментальной грамматике – Аня учла семантику суффиксов, которые использовала для образования окказионализма, о чем свидетельствует использование сразу двух морфем с разными значениями. Она поняла, что словообразования с использованием одного лишь суффикса диминутива *-ик* в данном

¹ Во всех примерах жирным шрифтом выделены речевые инновации. Примеры являются выдержками из корпуса детской речи, собранного авторами статьи в ходе эксперимента.

случае недостаточно, поскольку лексема *хвостик* в качестве имени собственного непоказательна. Поэтому в лексеме появился еще и суффикс *-ат*, что свидетельствует о том, что номинализация образована от прилагательного *хвостатый*, которым можно охарактеризовать обозначаемое существо.

Ненормативные прилагательные не столь частотны в нашем корпусе. Все они представляют собой словообразования с неверно использованным деривационным суффиксом. Так, пятилетняя Лиза назвала плюшевую кошку **игрушной* вместо нормативного *игрушечный*. Она же во время другой сессии играла с игрушечным кактусом, который двигался и пел под музыку за счет встроенного механизма. Лизе не удалось разобрать слова в песне кактуса, поэтому она пришла к выводу, что он поёт на *кактусином языке*.

Развитая морфология русского языка позволяет детям проявлять креативность и создавать большое разнообразие новых единиц, которые при этом построены в полном соответствии с законами языка. Создавая окказионализмы с использованием уже существующих слов, дети учитывают семантику лексем и отдельных морфем и не используют деривационные морфемы без основания. Так, четырехлетняя Аня образовала прилагательное *беззаколочная*, которое полностью соответствует действительной описанной ситуации, ср. пример (5).

(5) – *Мам, у Сони нету ни одной заколочки. Она совсем беззаколочная* (Аня, 4.8).

Суффиксальная деривация является не единственной стратегией образования речевых инноваций. Другой, не менее частый способ – слияние основ. При этом соединению подлежат основы лексем как из разных классов, так и из одного. Однако детям проще образовывать сложные слова из словосочетаний, таким образом используя основы прилагательного и существительного. Так, пятилетняя Лиза назвала аквариумную рыбку с пышным хвостом *Хвосторыбка*, что, несомненно, коррелирует с внешними качествами последней. При этом первая попытка охарактеризовать эту рыбку была предпринята, когда Лиза пыталась подобрать подходящее описательное прилагательное. Однако при образовании его от существительного *хвост* она допустила ошибку, пропустив деривационный суффикс, ср. пример (6). Вероятно, грамматично образованное прилагательное привело бы к образованию иного окказионализма, *Хвостаторыбка*, поскольку при создании новой лексемы Лиза воспользовалась стратегией слияния основ составляющих именной группы: *хвостая рыбка* → *Хвосторыбка*.

(6) – *У нее такой хвост, наверное, эта рыбка называлась бы Павлин.*

– *А мне кажется, что называлась хвостая рыбка. Хвосторыбка.* (Лиза, 5.9).

В корпусе встретилось также слияние основ лексем одной части речи. Во время игры с кривым зеркалом Лиза отреагировала на искаженное отражение самой себя и экспериментатора. Главная модификация, которой поддалось тело в этом отражении – его значительное расширение. Таким образом, люди в отражении казались объемнее, чем они есть на самом деле. Обратив внимание на эту выделяющуюся особенность, Лиза решила назвать свое отражение *Пузолиза*, а отражение экспериментатора – *Пузософа*. Для образования этих окказионализмов она вновь использовала два производящих имени – существительное *пузо* и имена собственные. В продолжение диалога Лиза попыталась образовать антонимы к употреблявшимся ранее дериватам и сконструировала следующий – *худушка*, образованное от прилагательного *худой* в женском роде при помощи суффикса *-ушк*.

Рассмотрим другой пример словообразования посредством слияния основ. При попытке дать наименование изображенному на картинке пернатому существу, окруженному тыквами, Лиза соединила две самые яркие детали изображения – *перья*, которыми покрыто обозначаемое существо, и *тыквы*, его окружающие. Чтобы сконструированная форма больше походила на имя, Лиза попыталась подобрать наиболее подходящий деривационный суффикс, несущий семантику одушевленности, ср. пример (7). Закрепился окказионализм *Перьятыквяч*, при дальнейшей референции к этому персонажу она использовала именно его.

(7) – *Тыквоперьев... Перьятыквик... Перьятыквин... Перьятыквяч!* (Лиза, 5.9).

Обнаружен также окказионализм, образованный от английской лексемы при помощи русских морфем. Здесь произошло очень необычное смешение кодов, русского и английского, на уровне морфологии: Лиза уже знает, что существительным, заканчивающимся на *-ка*, свойственны следующие грамматические значения – женский род и иногда одушевленность. Таким образом, она посчитала нужным дополнить лексему английского языка, и без того обладающую этими грамматическими свойствами, показателем *-ка*. Такой прием показывает развитость ментальной грамматики Лизы, поскольку ей удалось сопоставить морфологию двух языков, определить корень целевой лексемы и объединить его с морфемой из другого языка. Следующий окказионализм образован по той же схеме и, вероятнее всего, создан именно из-за созвучия, без вкладывания смысла в семантику слова, как это было с *qиеепка*, ср. пример (8).

(8) – *А по-английски это qиееп. Давай скажем, qиееп.*

– *Qиеепка. Pинкка.* (Лиза, 5.9).

В детской речи встречаются и глагольные окказионализмы. Зачастую они представляют собой аграмматичные образования финитных форм глагола, но были обнаружены и глагольные инновации, аналогов которых не существует в нормативном русском языке. Так, пятилетняя Лиза образовала глагол от существительного *каблук*, ср. пример (9). Вероятно, синонимом сконструированного в (9) глагола является глагол *цокать*.

(9) – *Смотри, как у меня туфельки каблукатся* (Лиза, 5.9).

Другая глагольная инновация, не имеющая эквивалента в нормативном русском языке, – *сырничать*, ср. пример (10). Здесь глагольная форма вновь образована от существительного при помощи показателя инфинитива *-ть*. В обоих случаях неузуальные формы образованы в соответствии с правилами глагольной парадигмы, это свидетельствует, что говорящие обращаются к ментальной грамматике и правилам, употребляемым в русском языке, даже в случае с несуществующими лексемами. При этом они также учитывали фонологически обусловленное варьирование и верно заменили букву в существительном при образовании от него глагола.

(10) – *Мы завтра поедem завтракать и будем сырничать. Ха-ха. У бабушки моей самые вкусные сырники* (Аня, 4.8).

Трудность усвоения глагольного класса в русском языке обусловлена тем, что многие его элементы представлены не одной лексемой, а видовой парой. Дети могут путать формы разных видов или неверно употреблять их маркеры. Так, пятилетняя Лиза образовала эквивалент глагола *красть*, ср. пример (11). Окказионализм *украдать* имеет префикс *у-*, который в нормативном русском языке образует совершенный вид глагола: *красть* – *украсть*. Однако использование имперфектирующего суффикса *-а-* и контекст указывают на то, что Лиза пыталась образовать форму несовершенного вида.

(11) – *Там можно машинки украдать* (Лиза, 5.9).

Часты также ненормативные употребления, появляющиеся при попытке образовать неопределенную форму глагола, ср., например, аналоги *мять* и *малевать* в примере (12), которые трехлетняя Даша образовала от имеющихся в контексте личных форм глаголов. При этом она использовала маркер инфинитива, суффикс *-ть*, это показывает, что она уже знакома с особенностями лексем глагольной категории.

(12) – *Ради одного листочка, который вы помалюете и сомнете, всё это переносить...*
– *А я не буду сомють и малють* (Даша, 3.3).

В языковом сознании трехлетнего ребенка глагольные категории уже сформированы, однако глагольная парадигма все еще не полноценна [10]. Так, возникают проблемы при попытках словообразования форм инфинитива от других финитных форм глагола, встречающихся в контексте, или при словоизменении личной формы глагола, ср. пример (13).

(13) – *Я прискачил*. (Даша, 3.3).

Вербальная креативность возникала и в результате необходимости использовать лексему с противоположным значением. Так, пятилетняя Лиза образовала конверсив глагола *заподозрить*, изменив его морфологический состав – заменив приставку *за-* на приставку *рас-*, ср. пример (14).

(14) – *Заподозрили, а потом расподозрили* (Лиза, 5.9).

Такой прием демонстрирует способность детей более старшего возраста сравнивать известные морфемы между собой, что требует уже более высокого уровня языковой компетенции.

Заключение. Конструирование инноваций – это процесс, к которому дети неизбежно прибегают при необходимости заполнить лакуну в языке [1, с. 36]. Как было продемонстрировано, зачастую детские инновации являются эквивалентами нормативных лексем русского языка, а их порождение спровоцировано пробелами в ментальном лексиконе ребенка. Тем не менее в ряде случаев окказионализмы не имеют аналогов в нормативном языке, хотя их значения нельзя назвать парадоксальными: несмотря на аграмматичность плана выражения, вызванную недостатком языковых компетенций, семантика окказионализмов обычно очевидна и мотивирована.

Анализ полученных речевых инноваций доказывает, что дети конструируют новые лексемы осознанно, опираясь на имеющиеся знания о структуре родного языка. При словотворчестве они руководствуются теми правилами, которые уже усвоились и закрепились в их ментальной грамматике. Это в первую очередь понимание разделения лексем на именные и глагольные с сопутствующими грамматическими свойствами и особенностями дистрибуции морфем, не являющихся универсальными для любого класса. Помимо этого, ментальная грамматика ребенка включает репертуар морфологических единиц, каждая из которых обладает одним или несколькими значениями и функциями. Знания детей о лексической сочетаемости ограничены, такие нюансы усваиваются постепенно в процессе пополнения ментального лексикона, поэтому часто случается недопустимое употребление определенных лексем в одном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 36–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41.
2. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // J. of Child Language. 1975. Vol. 2, no. 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000900000866>.
3. Tomasello M. Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003.
4. Kuhl P. K. Early language acquisition: cracking the speech code // Nature reviews neuroscience. 2004. Vol. 5, no. 11. P. 831–843. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn1533>.
5. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во СГУ, 1981.
6. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
7. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
8. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. Acquisition of derivational morphology in Russian // The Acquisition of Derivational Morphology: a Cross-Linguistic Perspective. NY: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 169–195. DOI: <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz>.
9. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2020.
10. Golinkoff R. M., Hirsh-Pasek K. How toddlers begin to learn verbs // Trends in Cognitive Sciences. 2008. Vol. 12, no. 10. P. 397–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.07.003>.

Информация об авторах.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), доцент (1998), профессор департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия; доцент кафедры немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская набережная, д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 147 научных публикаций. Сфера научных интересов: психолингвистика, социолингвистика, лингвистическая прагматика, лингвистические вопросы перевода.

Шумилова Софья Алексеевна – студентка (4-й курс) филологического факультета Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», наб. канала Грибоедова, д. 121, Санкт-Петербург, 190069, Россия. Участник проекта «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», поддержанного грантом № 18-18-00472, руководитель В. С. Храковский. Сфера научных интересов: психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.06.2024; принята после рецензирования 06.09.2024; опубликована онлайн 23.12.2024.

REFERENCES

1. Tseitlin, S.N. (2022), "Children's speech innovations", *Russian Language at School*, vol. 83, no. 5, pp. 36–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-36-41.
2. Bruner, J.S. (1975), "The ontogenesis of speech acts", *J. of Child Language*, vol. 2, no. 1, pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000900000866>.

3. Tomasello, M. (2003), *Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.
4. Kuhl, P.K. (2004), "Early language acquisition: cracking the speech code", *Nature reviews neuroscience*, vol. 5, no. 11, pp. 831–843. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn1533>.
5. Gvozdev, A.N. (1981), *Ot pervyh slov do pervogo klassa: dnevnik nauchnyh nablyudenii* [From First Words to First Grade: A Diary of Scientific Observations], Izd-vo SGU, Saratov, USSR.
6. Eliseeva, M.B. (2008), *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetic and lexical development of young children], Izd-vo RGPU imeni A. I. Gercena, SPb., RUS.
7. Tseitlin, S.N. (2009), *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on word and form formation in children's speech], Znack, Moscow, RUS.
8. Kazakovskaya, V.V. and Voeikova, M.D. (2021), "Acquisition of derivational morphology in Russian", *The Acquisition of Derivational Morphology: a Cross-Linguistic Perspective*, John Benjamins Publ. Company, NY, USA, pp. 169–195.
9. Gridina, T.A. and Konovalova, N.I. (2020), *Metody psiholingvisticheskikh issledovanii: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of psycholinguistic research: theory, practice, trainings], Izd-vo USPU, Ekaterinburg, RUS.
10. Golinkoff, R.M. and Hirsh-Pasek, K. (2008), "How toddlers begin to learn verbs", *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 12, no. 10, pp. 397–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.07.003>.

Information about the authors.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (1998), Professor at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190008, Russia; Associate Professor at the Department of German Language, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 147 scientific publications. Area of expertise: psycholinguistics, sociolinguistics, pragmatics, translation studies.

Sofia A. Shumilova – Student (4th year) at the Department of Philology, Higher School of Economics, 121 Griboyedov Canal emb., St Petersburg 190069, Russia. Participant of the research "Causal Constructions in World Languages: Semantics and Typology" supported by RSF's grant № 18-18-00472, supervisor V.S. Khrakovsky. Area of expertise: psycholinguistics, neurolinguistics, language acquisition.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.06.2024; adopted after review 06.09.2024; published online 23.12.2024.*